

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ

Алексей КОТ,

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник отдела проблем частного права
Научно-исследовательского института частного права и предпринимательства
имени академика Ф.Г. Бурчака
Национальной академии правовых наук Украины,
член Совета по вопросам судебной реформы при Президенте Украины

Summary

This article focuses on the legal nature of the right to protection of subjective civil rights. The author systematically analyses the legislation of Ukraine, as well as existing in domestic and foreign civil doctrine views on the nature of subjective rights protection, highlighting several major groups among them. Based on the analysis, the author in a consistent manner makes a distinction between such concepts as the “right to protection” and “protection of rights”.

Key words: subjective civil law, protection of subjective civil rights, legal nature of subjective civil rights, right to protection.

Аннотация

В статье основное внимание уделено правовой природе права на защиту субъективных гражданских прав. Автор системно анализирует законодательство Украины, а также существующие в отечественной и зарубежной цивилистической доктрине взгляды на природу защиты субъективных прав, выделяя среди них несколько основных групп. На основе проведенного анализа автор системно разграничивает такие понятия, как «право на защиту» и «защита прав».

Ключевые слова: субъективное гражданское право, защита субъективных гражданских прав, правовая природа субъективных гражданских прав, право на защиту.

Постановка проблемы. Категория «право на защиту субъективных гражданских прав» зачастую отождествляется с другой правовой категорией – «защита прав», что влечет за собой ряд методологических и практических проблем. Системное разрешение данного вопроса невозможно без определения правовой природы права на защиту субъективных прав.

Актуальность темы. Проблема определения правовой природы права на защиту гражданских прав активно исследуется в цивилистической науке. В то же время отсутствие системных работ по данной проблеме позволяет утверждать, что вопрос о природе права на защиту продолжает оставаться дискуссионным и сохраняет свою актуальность и сегодня.

Таким образом, целью статьи является определение правовой природы права на защиту субъективных прав для установления взаимосвязи категорий «право на защиту» и «защита прав» и их различий.

Изложение основного материала исследования. Часть 1 ст. 15 Гражданского кодекса (далее – ГК) Украины устанавливает, что каждый человек имеет право на защиту своего гражданского права в случае его нарушения, непризнания или оспаривания. Содержание этой нормы дает основания считать, что

право на защиту в контексте указанной статьи рассматривается как субъективное право лица-участника гражданских правоотношений, которое возникает у него в случае нарушения принадлежащих ему гражданских прав и интересов (в частности невыполнения или несвоевременного выполнения обязательства, сохранения или приобретения имущества без достаточного правового основания и т. п.), непризнания этого права (например, непризнания лица правопреемником реорганизованного юридического лица, непризнания права собственности на определенное имущество) или оспаривания гражданского права (в частности оспаривания права собственности на имущество, оспаривания права на наследство и т. д.).

Как справедливо отмечает А.Д. Крупчан, право на судебную защиту гражданского права и интереса является ключевым элементом построения гражданского права, который характеризуется абсолютностью характера, возможностью самостоятельно решать вопросы защиты или самозащиты через универсальность способов защиты [1, с. 7]. При таких обстоятельствах вопрос определения и правовой природы права на защиту вызывает большой интерес.

Еще в 1972 году В.П. Грибанов, исследуя пределы осуществления права и обращаясь к понятию права на защиту,

замечал, что в цивилистической литературе точного ответа на этот вопрос не содержится. Более того, в цивилистической науке вопрос о защите гражданских прав с точки зрения надлежащего уполномоченному лицу права на защиту вообще не исследовался. Не был воспринят в цивилистической науке и практике и сам термин «право на защиту» [2, с. 105]. При этом даже после выхода в свет основательной монографии «Пределы осуществления и защиты гражданских прав» указанная тенденция не изменилась.

Несмотря на то что право на защиту на практике чаще всего реализуется через процессуальные нормы, не вызывает сомнения то, что по своей сути оно является, прежде всего, материально-правовой, а не процессуальной категорией, хотя и тесно связанной с процессуальными нормами. Учитывая законодательное регулирование института защиты прав в гражданском праве Украины, можем констатировать, что есть основания полагать, что установленные в ст. 16 ГК Украины способы защиты гражданских прав, предусмотренное ст. 19 ГК Украины право человека на самозащиту от правонарушений и противоправных посягательств, право лица осуществлять защиту своих прав по своему усмотрению, закрепленное в ст. 20 ГК Украины, безусловно, свидетельствуют о том, что

защита прав может осуществляться как с привлечением уполномоченных органов (в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством), так и самостоятельно правообладателем без участия таких органов на основании соответствующих положений гражданского законодательства (материального права). По этому поводу В.П. Грибанов также отмечал, что вряд ли правильно сводить содержание права на защиту исключительно к возможности обратиться с требованием защиты права в соответствующие государственные или общественные органы. Право на защиту в его материальном смысле представляет собой возможность применения в отношении нарушителя мер принудительного воздействия. При этом возможность применения в отношении нарушителя мер принудительного воздействия не следует понимать только как приведение в действие аппарата государственного принуждения [2, с. 106].

Анализируя правовую природу права на защиту, М.К. Сулейменов объединил все многообразие научных подходов с целью решения этого вопроса в три группы [3, с. 31–32].

Первый подход предполагает, что право на защиту является самостоятельным субъективным правом, поскольку при его осуществлении у лиц возникают совсем другие права и обязанности, чем те, которые у них были до нарушения субъективного гражданского права [4, с. 233–235; 5, с. 57–60; 6, с. 93–98].

Другая точка зрения заключается в квалификации права на защиту как правомочия, которое выступает элементом субъективного гражданского права наряду с двумя другими составляющими – правом на собственные действия и правом требовать определенного поведения от третьих лиц [2, с. 106; 7, с. 101; 8, с. 180].

Третья, компромиссная, точка зрения рассматривает право на защиту как одно из правомочий субъективного права, но в результате правонарушения оно трансформируется в самостоятельное субъективное право [9, с. 14–15].

Представители всех трех подходов приводят в целом достаточно серьезные аргументы в пользу соответствующих теорий, поэтому каждый из этих подходов имеет право на существование. С одной стороны, обособленность права на защиту от «основного» защищаемого

субъективного права ставит много вопросов, ответы на которые вряд ли будут подтверждать данную теорию. В частности, при таком подходе право на защиту должно иметь собственный отдельный объект, тогда как в большинстве случаев оно имеет целью восстановление нарушенного права, поэтому объект у него общий с «основным» правом. Обособленность права на защиту порождает проблему основания его возникновения, ведь выдвинутая учеными точка зрения о том, что право на защиту возникает в результате правонарушения, кажется небесспорной. После правонарушения право на защиту может быть реализовано, но это вовсе не означает, что до правонарушения этого права не было. Появляются также многочисленные вопросы о характере права на защиту (имущественный или неимущественный), его оборотоспособности, возможности принадлежать другому лицу, в отличие от «основного права», и т. д. Однако обоснованного утвердительного ответа на все эти вопросы сторонники данной теории не предоставили.

С другой стороны, логическими можно признать аргументы З.В. Ромовской, которой считает, если субъективное право может функционировать без какого-то компонента, то он не составляет сущности этого субъективного права, а представляет собой относительно последнее явление самостоятельное [10, с. 11]. Поскольку возможно существование субъективного права, не обеспеченного защитой (например, право после истечения исковой давности), эти доводы ученого вроде бы должны доказывать, что право на защиту не может считаться правомочием самого субъективного права.

Учитывая изложенное, считаем целесообразным уделить внимание еще одной точке зрения. Выше уже приводились аргументы, свидетельствующие о неразрывной функциональной связи субъективного права и его защиты. В этой части можно утверждать, что возможность защиты является не частью субъективного права и не внешним явлением относительно его, а свойством субъективного права как такового. Если субъективное право предоставляет лицу возможность действовать определенным образом, то смысл такого предоставления будет лишь в том случае, ког-

да при наличии своей воли на это лицо сможет совершить соответствующие действия даже при наличии препятствий для этого, преодолевая эти препятствия. Защита как раз и будет заключаться в устранении этих препятствий, поэтому она, с одной стороны, неотделима от этого субъективного права, а с другой – не составляет чего-то внешнего по отношению к нему.

В свое время О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский отмечали, что субъективное право не было бы правом, если бы его осуществление не обеспечивалось мерами государственного принуждения. Поэтому возможность обратиться в необходимых случаях к принудительной силе государственного аппарата существует не параллельно с другими, закрепленными в субъективном праве возможностями, а свойственна им самим, так как без этого они не были бы юридическими возможностями [11, с. 225].

Развивая эту точку зрения, Д.М. Четоч указывал, что право перестает быть правом, если оно лишается возможности обратиться к силе государственного принуждения. Эта возможность определяет сущность субъективного права, она присуща ему с момента возникновения, а не проявляется только в момент нарушения или оспаривания права как некий факультативный его элемент. То обстоятельство, что граждане и организации, осуществляя свои права, как правило, не обращаются к силе государственного принуждения, не меняет сути дела. В любой момент владения субъективным правом они к этой силе могут обратиться [12, с. 26].

Выводы. Учитывая изложенное, можно отметить, что право на защиту следует отделять от фактических действий, направленных на защиту нарушенного гражданского права. Поэтому право на защиту можно рассматривать как установленную законом возможность применить принудительные меры, предусмотренные законом или договором, направленные на прекращение правонарушения и восстановление нарушенного права или на компенсацию причиненного правонарушением ущерба и морального вреда. При этом защитой прав являются действия управомоченного лица, непосредственно направленные на достижение указанной цели.

Список использованной литературы:

1. Особливості захисту суб'єктивних цивільних прав : [монографія] / за заг. ред. академіків НАПрН України О.Д. Крупчана та В.В. Луця. – К. : НДІ приватного права і підприємництва НАПрН України, 2012. – 400 с.
2. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В.П. Грибанов // Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М. : Статут, 2001. – С. 20–212.
3. Сулейменов М.К. Субъективное гражданское право и средства его обеспечения в Республике Казахстан / М.К. Сулейменов // Субъективное гражданское право и средства его обеспечения : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Ю.Г. Басина (в рамках ежегодных цивилистических чтений), Алматы, 13–14 июня 2005 г. / отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы : НИИ частного права КазГЮУ, 2005. – С. 31–32.
4. Гражданское право : актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2008. – 993 с.
5. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права / Е.Я. Мотовиловкер. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1990. – 136 с.
6. Власова А.В. Структура субъективного гражданского права : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 / А. В. Власова. – Ярославль : [Б/н], 1998. – С. 93–98.
7. Жилинкова І. Особливості здійснення суб'єктивних цивільних прав / І. Жилинкова // Вісник Академії правових наук України. – 2012. – № 1(68). – С. 100–107.
8. Стефанчук Р.О. Особисті немайнові права фізичних осіб (поняття, зміст, система, особливості здійснення та захисту) : [монографія] / Р.О. Стефанчук ; відп. ред. Я.М. Шевченко. – К. : КНТ, 2008. – 626 с.
9. Менглиев Р.Ш. Защита права владения / Р.Ш. Менглиев. – Душанбе : Кошунят, 2002.
10. Ромовская З.В. Защита в советском семейном праве / З.В. Ромовская. – Львов : Вища школа, 1985. – 180 с.
11. Иоффе О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М. : Госюриздат, 1961. – 381 с.
12. Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты / Д.М. Чечот. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1968. – 72 с.

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА: ЗАРУБЕЖНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ УКРАИНЫ

Андрей ЛЕПЕХА,

соискатель кафедры менеджмента и управления проектами
Днепропетровского регионального института государственного управления
Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

Summary

The article deals with the problem of the effectiveness of anti-corruption governance, which actively discuss in the scientific community and in the practice of governmental and departmental structures, and have the key importance for the reformal period. The author tries to identify possible criteria for the effectiveness of anti-corruption measures and the conditions of their quality implementation, using the experience of the State Fiscal Service of Ukraine. It is proved that the effective reform of the State Fiscal Service of Ukraine is impossible without a radical change in approach to the fight against corruption. The main corruption risks in the control and supervision activity of the national public administration are identified.

Key words: corruption, public administration, fiscal authorities, reforms.

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы эффективности антикоррупционного государственного управления, которые активно обсуждаются как в научной среде, так и в практической деятельности государственных и ведомственных структур, являются основными в реформистский период. Автор пытается определить возможные критерии эффективности проведения антикоррупционных мероприятий и условия их качественной реализации, используя опыт Государственной фискальной службы Украины. Обосновано, что эффективное реформирование Государственной фискальной службы Украины невозможно без коренного изменения подходов к противодействию коррупции. Идентифицированы основные коррупционные риски в контрольно-надзорной деятельности национальной публичной администрации.

Ключевые слова: коррупция, государственное управление, фискальные органы, реформы.

Постановка проблемы. Декларирование борьбы с коррупцией практически с момента обретения независимости государством не привело к кардинальным изменениям в проблеме за это довольно длительное время. Практически во всех сферах жизнедеятельности общества наблюдается системная нормотворческая деятельность, но в то же время, как показывает практика, несостоятельность ее практической реализации. Среди общественности, в средствах массовой информации это создает почву для дискуссий относительно эффективности управленческих процессов и ресурсов в обеспечении выполнения национального антикоррупционного законодательства.

Актуальность темы коррупции связана с разнообразием ее последствий. Коррупцию государственных должностных лиц в современном обще-

стве можно рассматривать как одну из основных социально-правовых проблем. Последствия этого явления распространяются практически на все сферы государственного управления: экономическую, социальную, политическую, правовую.

Различные аспекты проблемы противодействия коррупции исследовались такими учеными, как Л. Аркуша, В. Вересов, А. Закалюк, Н. Мельник, Э. Невмержицкий, В. Шакун, И. Туркевич и многие другие.

Однако, несмотря на большое количество научных работ, тема борьбы с коррупцией в условиях проведения масштабных государственных трансформаций остается актуальной и такой, которая требует дальнейших исследований.

Цель статьи – определить возможные критерии эффективности проведения антикоррупционных мероприятий